

Посланные Наполеоном ординарцы вернулись и доложили, что русское войско оставило Москву.

— Ага! Они боятся, тем лучше! И прищпорив своего коня, поскакал к Дорогомиловской заставе.

У самой заставы он слез с коня и окруженный блестящей свитой, ждал из Москвы депутации и городских ключей.

Наполеон думал, что его, как победителя, встретят с пушечной стрельбой, — он привык к овациям, которые делали ему в Вене, Берлине и Варшаве и в других городах. Ему нужны были лавры и цветы, но ни того ни другого не дала ему Москва.

* * *

*Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля:
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою!*

Думал, что возьмет Москву, и Россия будет у ног его, как он об этом писал в Париж, но жестоко ошибся. Наконец, ждать ему надоело, и он сердито отдал приказание:

— Сейчас же приведите ко мне бояр. Эти русские варвары не знают, как сдают города!

Поспешили исполнить его приказание, и привели несколько человек, плохо одетых, вероятно, то были иностранцы — ремесленники, не выехавшие вместе с другими из Москвы. Некоторые из них говорили по-французски.

— Где же начальство? сурово спросил Наполеон.

— Никого нет, государь, — отвечали ему отрепанные депутаты.

— А Растопчин где?

— Он поехал провожать армию.

*Перед Москвою.
Ожидание депутации бояр.
Художник В. Верещагин.*

- А жителей много в Москве осталось?
- Очень немного, кто остался, и те попрятались.

Эти слова разозлили Наполеона. Он нервно прикусил язык и повернувшись спиною к депутации, крикнул:

- Гоните эту дрянь!

Ровные и до того времени спокойные его шаги, вдруг становятся скоры и беспорядочны. Он оглядывается в разные стороны, оправляет платье, останавливается, вздрагивает, недоумевает, снимает с руки перчатку и опять надевает, вынимает из кармана платок, мнет его в руках, и как бы ошибкою кладет в другой карман, потом снова вынимает и снова кладет опять снимает перчатку и торопливо надевает ее, и это повторяет несколько раз. Окружающее его генералы стоят, не шелохнутся.

Несколько успокоившись, он сел на лошадь, проехав Дорогомиловскую слободу, слез и начал ходить по берегу взад и вперед, а ключей все не несут; бояр тоже на лицо не оказалось. Эффект торжественной минуты, до которого Наполеон был такой охотник, был потерян безвозвратно.

Пожар в Москве. 1812 год. Художник И. Клар.

На другой день, когда Наполеон въезжал в город, его встретили с иллюминацией — запыхал город. Четыре ночи затем не зажигали свечей по ночам, так было светло от огня. Горело все Замоскворечье.

Положение становилось все более и более опасным. Вот как об этом пишет французский генерал, адъютант Наполеона, не отлучавшийся от него ни на шаг во все время войны, граф де-Сегюр:

*Зарево. Замоскворечье.
Отечественная война 1812 года в картинах В. Верещагина.*

«Завоевание, для которого Наполеон всем пожертвовал, было точно призрак, которого он, казалось, уже коснулся рукой, рассеялось в пространстве, в виде клубов дыма и пламени! И тогда необычайное волнение охватило императора, как будто и его пожирало окружавшее пламя. Он быстрыми шагами обходил все свои апартаменты, резкими, порывистыми движениями обнаруживая свое мучительное беспокойство. Он, то принимался за свою спешную работу, то оставлял ее, стремительно бросаясь к окнам, чтобы наблюдать за усилением пожара. Резкие и отрывистые восклицания вырывались из его стесненной груди: «Какое ужасное зрелище! Это они сами! Столько дворцов! Какое невероятное решение! Что за люди! Это скифы!»

Он нервно ходил по комнате, останавливаясь возле каждого окна, и смотрел, как ужасный победитель-огонь яростно уничтожал его блестящее завоевание, охватывая все мосты, все проходы в крепости, окружая ее кольцом, и держал его, Наполеона, словно в осаде, как огонь перебрасывался на ближайшие дома и как, суживаясь все больше и больше, он оставлял императору одну лишь Кремлевскую твердыню.

Мы вдыхали в себя лишь дым и копоть. Наступила ночь и ее мрак увеличивал еще больше нашу опасность; ветер словно заодно с русскими, все увеличивал свою резкость.

Тут подоспели король Неаполитанский и принц Евгений; они, вместе с принцем Невшательским, проникли к императору и на коленях умоляли его покинуть это роковое убежище. Но все было напрасно.

Наполеон, завладевший, наконец, дворцом царей, упорствовал, не желая уступать его даже огню, как вдруг раздался крик: «Пожар в Кремле!» Крик этот переходил из уст в уста, и вывел нас из созерцательного оцепенения, в которое мы впали прежде. Император вышел, чтобы взвесить опасность. Огонь дважды охватывал строения, в котором находился император, и его дважды удавалось погасить; но башня над арсеналом все еще горела. В ней нашли солдата русской полиции. Когда его привели к Наполеону, император заставил расспросить его в своем присутствии. Этот русский и был поджигателем; он исполнил предписание, заметив сигнал, поданный начальством. Итак, все было обречено разрушению, даже древний священный Кремль!»

«Император сделал презрительное и недовольное движение и несчастного отвели в первый двор, где вышедшие из себя гренадеры пронзили его своими штыками».

«Все это заставило Наполеона решиться. Он поспешно спустился по северной лестнице, известной по происшедшей когда-то там казни стрельцов, и приказал вести себя за город по Петербургской дороге в императорский Петровский дворец, находившейся на расстоянии одного лье от Москвы».

«Но нас окружал целый океан пламени: оно охватывало все ворота крепости и мешало нам выбраться из неё. Тогда наши после долгих поисков нашли возле груды камней подземный ход, выводившей к Москве-реке. Через этот узкий проход Наполеону с его офицерами и гвардией удалось выбраться из Кремля».

«Но и этот выход не избавлял их от опасности: приблизившись к месту пожара, они не могли ни отступить, ни остановиться, а расстилавшееся перед ними огненное море не позволяло им продвигаться вперед. Те же из наших, которые раньше ходили по городу, теперь, оглушенные бурей пожара, ослепленные пеплом, не узнавали местности, да и кроме того сами улицы исчезли в дыму и обратились в груды развалин».

«И, тем не менее, следовало торопиться. Вокруг нас ежеминутно возрастал рев пламени. Всего лишь одна улица, узкая, извилистая и вся охваченная огнем, открывалась перед нами, но и она была скорее входом в этот ад, нежели выходом из него. Император пеший без колебания бросился в этот проход. Он шел среди треска костров, грохота рушившихся сводов, балок и крыш из раскаленного железа. Все эти обломки затрудняли движение».

«Огненные языки, с треском пожиравшие строения, то взвивались к небу, то почти касались наших голов. Мы подвигались по огненной земле под огненным небом меж двух огненных стрел. Нестерпимый жар палил наши глаза, но нам нельзя было даже зажмуриться, так как опасность заставляла смотреть вперед.

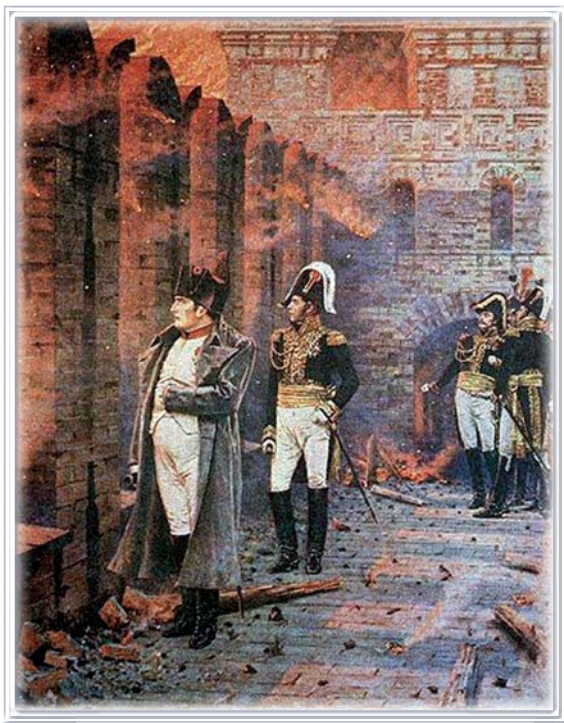
Дышать этим раскаленным воздухом было почти невозможно. Наши руки были опалены, потому что приходилось то защищать лицо от огня, то отбрасывать горящие головешки, ежеминутно падавшие на наши одежды».

«И в то самое время, когда лишь быстрое движение вперед могло быть нашим единственным спасением, — наш проводник в смущении остановился, и тут, казалось, должен был наступить конец нашей полной приключений жизни, как вдруг солдаты первого корпуса, занимавшиеся грабежом, распознали императора посреди вихря пламени, подошли на помощь и вывели его к дымящимся развалинам одного квартала, который еще с утра обратился в пепел».

«Там мы встретили принца Экмюля. Этот маршал, израненный при Бородине, велел нести себя через огонь, чтобы спасти Наполеона или погибнуть вместе с ним. Он восторженно бросился в объятия императора, который встретил его довольно приветливо, но с хладнокровием, не покидавшим его в минуту опасности».

«Чтобы окончательно избавиться от всех этих ужасов, пришлось миновать еще последнюю опасность — пройти мимо длинного обоза с порохом, продвигавшегося среди огня и, наконец, только к ночи удалось добраться до Петровского дворца».

На другой день, утром 17 сентября, Наполеон первым делом обратил свои взоры на Москву, надеясь, что пожар затих. Но пожар бушевал по-прежнему: весь город казался громадным огненным столбом, вздымавшимся к небу и окрашивавшим его ярким заревом. Погруженный в созерцание этого страшного зрелища, он нарушил свое мрачное и продолжительное молчание восклицанием: «Это предвещает нам великие бедствия»!

*В Кремле – пожар!
Художник В. Верещагин.*

*Сквозь пожар.
Отечественная война 1812 года в картинах В. Верещагина.*

«Для завоевания Москвы он пожертвовал всеми своими военными силами. Москва, которая была конечной целью его планов, его надежд, эта Москва была разрушена! Что оставалось делать?

И тут даже его решительный гений заколебался».

Вдруг он объявил о выступлении к Петербургу. Завоевание этого города уже было намечено на его военных картах, дотоле не обманывавших его. Некоторым корпусам уже было приказано быть наготове. Но это лишь кажущееся решение было средством для того, чтобы не потерять бодрости и рассеять уныние, вызванное потерей Москвы. Поэтому Бертье и особенно Бессьеру легко удалось убедить его в том, что время года, отсутствие провианта и плохие дороги — все препятствовало этому трудному походу».

«Кто-то предложил вернуться в Витебск к армии Витгенштейна».

«Наполеон колебался в выборе. Его пленяло лишь завоевание Петербурга, а все остальное казалось ему позорным отступлением, признанием своей ошибки и, не то из гордости, не то из политических соображений, он отверг все предложенные ему планы».

«От французской армии и от Москвы, уцелела лишь одна треть. Но Император и Кремль остались нетронутыми, слава Наполеона еще не померкла, и ему казалось, что два соединенных великих имени Наполеон и Москва не могут не одержать окончательной победы. Итак, он решил вернуться в Кремль, к несчастью спасенный от огня двумя гвардейскими батальонами».

Петровский подъездной дворец. Художник Ф. Кампорези.

«Лагерь, через который ему надо было пройти, представлял страшное зрелище. Посреди полей, в топкой холодной грязи горели огромные костры из мебели красного дерева и позолоченных оконных рам и дверей. Вокруг этих костров, подложив под ноги сырую солому, кое-как прикрытую досками, солдаты и офицеры покрытые грязью и копотью сидели в креслах или лежали на шелковых диванах. Около них валялись кучи кашемировых шалей, дорогих сибирских мехов, персидской парчи; тут же была серебряная посуда, с которой нашим, приходилось есть лишь обуглившееся черное тесто и недожаренную кровавую конину».

Рассказ *Леонтия Петровича Лепешкина.*

Разнесся слух, что французы в Москве; да и тут не все поверили; иные говорили: это союзники к нам подоспели. Ходили наши мужички в Москву и рассказывали, что сами видели Бонапарта у Дорогомиловской заставы. Поднялся стон: женщины голосом выли, и все кричали: «Решилась Россия! Москва пропала»! Покойный батюшка говорить: «Еще неизвестно, кто решился: либо Россия, либо Бонапарт». Мне так сдается, что его из Москвы-то голиком погонять». Уж после-то сколько раз вспоминали мы эти слова.

Потом стали французы по окрестностям бродить, и слышим мы, что отряд стоит у нас в Дмитриеве. Иные из окрестных жителей доставляли им. печеный хлеб. Тогда в Дмитриеве лежал большой запас соли и много медных денег. Этими деньгами и солью, французы платили за хлеб.

Как узнали мы, что неприятель так близко, собрались наши мужички в Раменский лес. Считалось до него верст пятнадцать. Но батюшка посоветовался со старостой, и решили они, что такое дело следует обдумать. Собрали мир, потолковали, и положили, чтобы всякий укладывал свое добро на возы, а между тем будут за французом следить, и лишь только он появится в селе Синькове, что лежит на полдороге от Дмитриева, ударять в набат, и тогда все должны выезжать.

Поднялась суматоха, все уложили, потом вырыли большие ямы, высыпали в них обмолоченную рожь и овес, прикрыли их досками и на доски наложили соломы. Напекли хлебов, из них сухарей насушили, и ждем.

Вдруг к нам из Дмитриева пять казаков: прислали их тоже французов ждать. К каждому казаку приставили по два человека из наших и вооружили их пиками. Кроме нового урожая, был у нас запас в магазинах. Казаки велели их обложить соломой, чтобы зажечь, лишь только подойдет неприятель. Тянуть наш обоз к Раменскому лесу; остались на селе одни лишь казаки, да десять человек к ним приставленных.

Раменский лес тянулся на несколько верст. Мы выбрали низкое место, куда поставили все свое добро и стерегли его поочередно.

Когда ушел француз из Москвы, вернулись мы в свое село: милостью Господней все у нас уцелело. Сокрушались только о своих да о Москве.

Рассказы

старых людей про французов.

*Ж*или мы в ту пору в Смоленске и жили, слава Богу, с достатком, ни в чем не нуждались. Никак дня за два до Спаса Преображения приходилась суббота; народ, отстоявши всенощную, расходился по домам. Только слышим мы, — на улице крик. Выбежали за ворота, глядим — скачет казак и кричит: «Уходите в крепость, спасайтесь! Бонапарт подходит»! Повязали мы свое добро в узелки, да скорехонько в крепость; там и спать улеглись. На другой день, часу в десятом, загремела пальба: это французы пошли на крепость. Не могу и рассказать, в каком мы были страхе! Сидим это в садике, дрожим, как вдруг бомба промеж нас: бух! Не взвидели мы тогда света Божьего, крикнули, да сколько хватило прыти, в погреб: там и спрятались.

Ну, положим, мы были дети, а и большие-то не лучше нас смекали. Иные думали, что оба войска — наше, значит, и французское — пойдут друг на друга кулачным боем. Которые посмелее, взбирались на деревья, чтобы оттуда смотреть на эту баталию. Однако как стали разбивать зубцы на стенах, тогда поняли наши молодцы, что значит бомбардировка!

В такой тревоге подошел праздник. После всенощной владыка Ириней вынес из собора икону Божьей Матери. Певчие поют «Взбранной воеводе», а народ валить следом и плачет навзрыд.

Что ни улица, то и пожар; куда ни ступишь, везде натыкаешься или на чужое добро, сваленное в кучи, или — хуже того — на больных, да на увечных; стонут сердечные... А бомбы-то, бомбы так и крестят небо. В церквах, которые еще уцелели от пожара, в те самые часы шла служба; ярко горели свечи, мерцали лампадки; горячо молились православные, обливаясь слезами.

После Покрова, видим мы, что французы начинают голодать. Сколько раз сovali они нам в руки толстые пачки денег, лишь бы достать им кусок хлеба, а мы бы и рады, да неоткуда. Пока еще можно было, сами ходили по ночам, да собирали в огородах свеклу, картофель; и что, бывало, удастся вырыть, то спрячем в яму, досками ее прикроем, притрусим

землей; по ночам и печи топили. Ну, а как начались холода, так и самим пришлось круто; доходило до того, что за пуд ржаной муки платили 17 рублей, а пшеничной — 27 рублей. Вот какие были цены в Смоленске.

Под конец, целых двенадцать дней ни за какие деньги невозможно было достать хлеба. Холод своим чередом: мерзнуть французы в своих мундиришках и с нас тащат всю теплую одежду. Кто посильнее, тот еще за себя заступится... И много их тогда пропало, от холода да голода. Шли раз наши улицей, и видят издали, — часовой стоять у генеральского дома, и как будто прислонился к дереву. Подошли, а он вытаращил глаза и не моргнет — замерз сердечный. По деревням, почитай, то же самое было. Вышел как-то приказ, чтобы скупать весь хлеб. Многие деревни не согласились: «С чего это — говорят — взял супостат, что мы будем ему провизию поставлять?»

Побоища бывали. Как где покажутся французы, так крестьяне идут на них с вилами, с топорами, не то с оглоблями. В иных селах сами помещики водили крестьян.

Из села Бердилова, Павел Иванович Энгельгардт положил свой живот за такое дело. Когда, значит, его схватили и привезли в Смоленск на суд, генерал стал его уговаривать, чтобы он пошел на службу к Бонапарту. Павел Иванович на это отвечал: «Нестаточное дело вы говорите, потому я служу Царю Православному!» Они, супостаты, взвели его на крепостной вал, да там и расстреляли. Все о нем жалели, царство ему небесное!

На Москве, рассказывают, только и говорили про француза, покуда он еще не проявился. Когда же москвичи прослышали, что под Бородиным был бой, и что путь французу чист, разом поднялись с насиженных мест. По улицам потянулись кареты, повозки, в казенных местах выгружали бумаги; из церквей вывозили святая иконы, купцы очищали лавки. У заставь была такая теснота, что ждали своей очереди по полусуток. Кому и удавалось выбраться, тоже не знали, что делать: добьется кое-как до деревни, а там не пускают в избу ночевать: «Зачем из Москвы выезжали? Зачем покинули ее врагу на разграбление?» Москва тем временем все пустела, да пустела. Куда, говорят, ни взглянешь, — ворота заперты, ставни затворены — даже тоска забирает.

Так подошло новолетие. Приехал владыка Августин в Успенский собор обедню служить. Как кончилась обедня, подошел народ к кресту, владыка и говорить: «Когда-то приведет нас Господь помолиться опять в этом храме?» — а у самого голос дрожит от слез.

На другой день стали проходить через Москву наши полки. Тут все,

которые еще оставались в городе, выбегали на встречу узнать, что нового? А солдаты говорят: «Выходите с хлебом-солью встречать дорогих гостей: Бонапарт идет у нас по пятам, — поклонились ему матушкой Москвой!»! Священники надели ризы, повышли на паперть; которые полки наши проходили мимо, тех кропили святою водою и благословляли на брань.

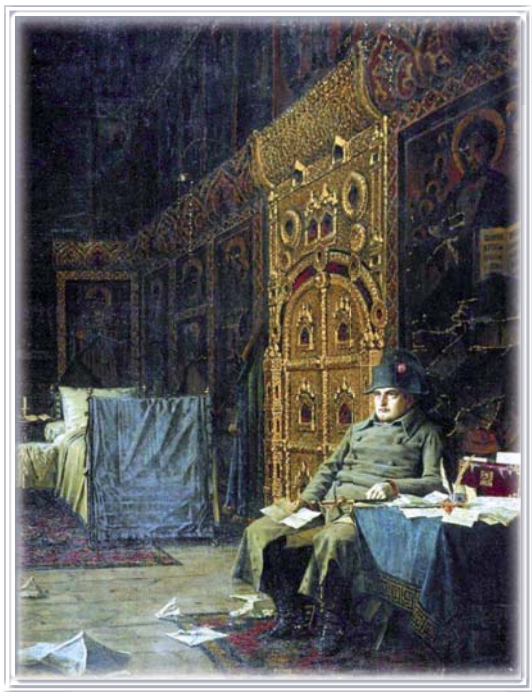
Иным полкам досталось идти мимо Кремля; как завидели его солдатики, да вспомнили, что может крестятся последней раз, так зарыдали в голос...

Не успели наши выйти в один конец Москвы, как неприятель вошел с другого конца. Уж точно молодцы были, нечего сказать! А вел их шурин Бонапарта, тоже красавец писанный, одетый нарядно — в бархат да золото. Подъехали они к Кутафьевским воротам, хотят войти в Кремль, а там, за бревнами, засело с десятков москвичей. Французы думали, что их ожидает войско и бухнули из пушки. Бревна раскатились, а наши, кто в живых остался, — наутек; французы сейчас же бросились расчищать дорогу и сколько-то мертвых выкинули в ров. Так погибли буйные головышки.

Едва улеглись москвичи спать, как в ту же, ночь стряслась другая беда. Бог его ведает, наши ли запустили красных петухов, или злодеи нас жгли, только Москва загорелась в разных местах сразу. Идут люди одной стороной улицы, а другая горит. Такое творилось, что рассказать нельзя. Бревна горят, падают, головешки сыплются, с крыш летит листовое железо, а жара такая, что не передохнуть; мостовая накалилась — ноги жжет, точно огнем... И не видят со страху люди, что горят церкви Божии, колокола срываются на землю. Кто, потерявши память, бросался к заставам, кто залезал в ямы, в погреба, а больше того шли люди на Орлов луг, за Крымским бродом. Чего тут не было? Точно муравейника копошился! И старый, и малый, и нищий, и миллионщик — всех сравняла беда.

Целые тысячи тут скитались — не день и не два, а пока француз не покинул Москвы. Днем народ идет в город, рыщет по лавкам, по пустым домам, ищет, значит, провизжи. Ее вольно было брать всякому. Как только стемнеет, разложат на лугу огни и варят себе: кто стряпает суп, кто похлебку, кто послаще что; у счастливых самоварчик кипит. Пока еще было тепло, да сухо, пока можно было находить провизию, кое-как перебивались; ну, а тогда пошли дожди, наступили холода, пришлось подумать, где бы приютиться понадежнее, особенно с малыми ребятами.

Недолго жилось французам в привольи. Так, через неделю после Покрова они покинули Москву и пошли восвояси. И уж натерпелись,

*На этапе. Дурные вести из Франции.
Художник В. Верещагин.*

сердечные, не дай Бог. Брели они теперь вразброд, все равно как орда какая, куда глаза глядят: оборвались, босые; от стужи прикрывались, чем случится: кто ризой, кто бабьей юбкой или шалью. Думали, что отдохнут в Смоленске; какой тут отдых — точно света преставление. Все место от Московской заставы вплоть до Днепра было заставлено ихними фурами, пушками или повозками с московскими гостинцами. Там валяются поломанный ружья, сабли; тут нагромождено сундуками, ларцами, тюками, а промеж них бродят, словно мертвецы, солдаты. Иные тут же падали от голода и помирали. Мало кому удавалось развести огонек, да погреться; иной слабосильный упадет в огонь головой, а встать-то и не может.

В ночь, за три дня до Архангела Михаила, слышали смоляне, как будто грянул гром. Повыскочили, кто в чем был, а казаки им говорят: «Это он, злодей, взорвал наши стены. Много тогда погибло наших, да тысячи две французов, которые лежали по госпиталям. Тут уж народ озлобился против злодеев: где только увидят француза, сейчас его или тащат топить, или же кидают в огонь. Они, несчастные кричат, а пожар тем временем пуще разгорается. Страшно вспомнить — ад кремешный кипел на улицах.

Померкла звезда Наполеона.

Н

аполеон был уверен, что с занятием Москвы, войска его отдохнут, окрепнут, повеселятся на чужой счет, попьют — поедят всласть, но дальновзоркий человек на этот раз горько ошибся. Москва была пуста. Все, что можно было взять с собою, жители вывезли, а остальное одно пожгли, другое потопили в реках Москве и Яузе.

Наполеон видел, что дела его плохи, и ничего он теперь не желал, как только мира, и все поджидал, что Кутузов обратится к нему с просьбой заключить мир. Но главнокомандующий; наш и не думал об этом. Он, напротив, подбирал позицию, чтобы еще раз помериться с ним силами. Не дождавшись просьбы Наполеон сам решил предложить мир. Он послал к Кутузову своего генерал-адъютанта Лористона с собственноручным письмом, но главнокомандующий наш отверг это предложение.

Тогда Наполеон предложил перемирие; Кутузов и на это не согласился, ответив, что „война теперь только начинается».

Для Наполеона единственным исходом было подобру-поздорову уходить домой. В Москве ему дольше оставаться было нельзя, так как армия его от голода и от разных болезней таяла не по дням, а по часам. Наполеон стал готовиться к бегству, но для отвода глаз своих приближенных, говорил, что намерен предпринять поход на Петербург, или отойти на зимние квартиры в Литву и Польшу.

Вот как описывает это выступление из Москвы французский генерал Сегюр.

В Успенском соборе. Художник В. Верещагин.

«Одно ужасное зрелище увеличило печальные предчувствия нашего вождя. Армия, еще накануне вышедшая из Москвы, двигалась без перерыва. В этой колонне, состоявшей из 140000 человек и приблизительно 50000 лошадей всех пород, сто тысяч строевых солдат, шедших впереди в полном снаряжении с пушками и артиллерийскими повозками, еще могли напомнить своим видом прежних всемирных победителей, но что касается остальных, то они походили скорее на татарскую орду после какого-нибудь нашествия. На бесконечном расстоянии в три или четыре ряда тянулась спутанная вереница карет, фур, богатых экипажей и всевозможных повозок. Тут были и трофеи в виде русских, турецких и персидских знамен и гигантский крест с колокольни Ивана Великого, и бородатые русские крестьяне, которые везли и несли нашу добычу, сами составляя часть её; многие из наших собственноручно везли тачки, наполненные всем, что им удалось захватить; эти безумцы не хотели думать, что уже к вечеру им придется отказаться от своей непосильной ноши: охваченные бессмысленной жадностью, они забыли и о восьмистах лье пути, и о предстоящих сражениях.

*У Калужской заставы, Москва, 19 октября 1812 год.
(Французы выходят из Москвы). Художник Х. Фабер дю Фор.*

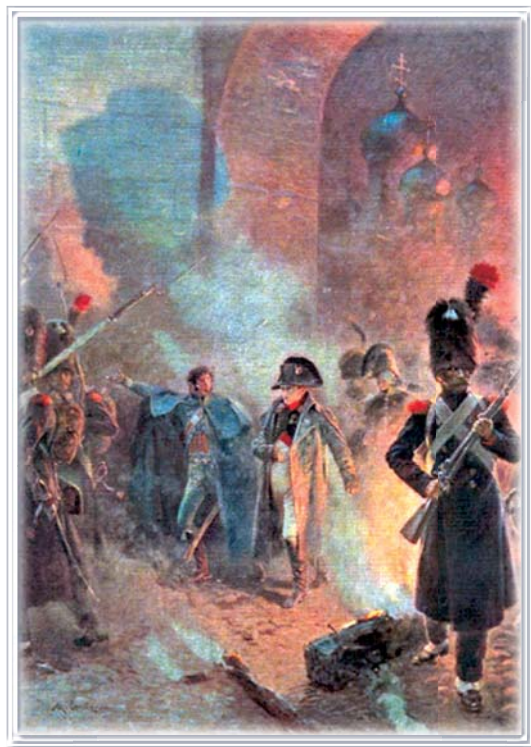
Особенно бросалась в глаза среди идущей в поход армии толпа людей всех национальностей, без формы, без оружия в беспорядке, громко ругавшихся на всех языках и подгонявших криками и ударами плохеньких

лошаденок, впряженных веревочной упряжью в элегантные экипажи, наполненные добычей, уцелевшей от пожара, или съестными припасами.

Можно было подумать, что двигался какой-то караван кочевников или одна из армий древних времен, возвращавшаяся после великого нашествия с рабами и добычей».

Кутузов сообразил, что надо было прикрыть от Наполеона путь в южные губернии, где ему легко было бы собирать продовольствие и даже овладеть Калугой, в которой были огромные магазины с продовольствием, и Тулой, где были богатые оружейные заводы. Нужно было свернуть с рязанской дороги на калужскую, так, чтобы Наполеон о том не проведал и не пошел наперерез нашей армии. Старый полководец сделал это ловко: он приказал Милорадовичу с арьергардом отступать все прямо по рязанской дороге, а сам, пройдя два перехода свернул с армией на старую калужскую дорогу, к селу Тарутину.

Между тем, Мюрат, посланный Наполеоном вперед, успел довольно далеко отойти от главных сил. Он уже стал в 4-х верстах от села Тарутина. У него было 20000 войска и 187 орудий. Стоял он довольно беспечно: у него не стояло даже передовых постов на версту от позиции. Казаки высмотрели его расположение и донесли главнокомандующему. Кутузов решил начать расправу с Мюрата. 6 октября под личным предводительством Кутузова, Орлов-Денисов, Багговут, Бенигсен и Дохтуров, атаковали оплошных французов. Стремительный натиск Орлова сразу опрокинул их и обратил в бегство. И если бы не опоздали выбраться из лесу корпуса Багговута и Бенигсена, то весь авангард был бы неминуемо уничтожен; но Мюрату удалось уйти, потеряв 500 человек убитыми и ранеными, 1500 пленными,

*Москва в 1812 год.
Наполеон покидает Кремль.
Художник М. Оранж.*

штандарт, 38 орудий с пороховыми ящиками и часть обоза.

Когда Наполеон при выходе из Москвы узнал о том, что Мюрат разбить, он отправил маршала Бессьера, чтобы осмотреть расположение нашей армии. Бессьер повиновался; он проехал вдоль всего фронта позиции русских: «Их невозможно атаковать», — сказал он по возвращении! — О Боже! — воскликнул император, всплеснув руками, — достаточно ли вы в этом убедились? Неужели это правда? Вы мне ручаетесь за это?

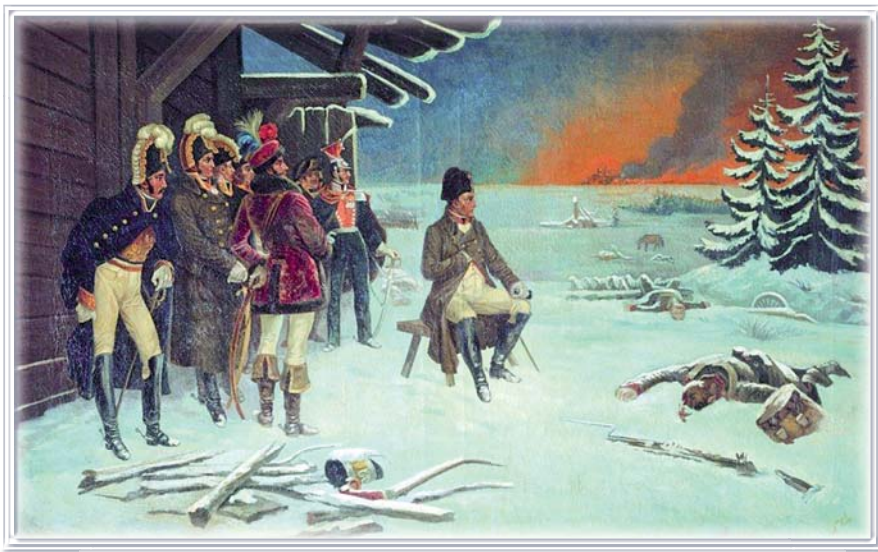

Сражение при Тарутине. Художник П. фон Гесс.

Бессьер подтвердил своё донесение: он повторил, что, позиция русских такова, что достаточно трехсот гренадер для задержания целой армии! Наполеон съ подавленным видом скрестил руки и углубился в свои печальные размышления, так что ни одному из его приближенных не удалось добиться от него ни одного слова, и только после долгих настойчивых вопросов, он кивнул головой. Наконец, он выразил желание отдохнуть немного, но его терзала жгучая бессонница. Весь остаток этой жестокой ночи он то вставал, то ложился, беспрестанно подзывал к себе кого-нибудь, но ни одним словом не обнаруживал своего отчаяния но можно было видеть, что на душе у него нелегко. Он сразу как-то осунулся, сделался вялым и задумчивым.

Тем не менее, он стал спешить навстречу своему разбитому авангарду.

Соединившись с ним, он повернул назад к Малоярославцу, чтобы оттуда пробраться потом к Смоленску, где тоже стоял его отряд. Но Кутузов узнал, что Наполеон спешит к Малоярославцу; он тотчас послал туда Дохтурова и Платова.

Наполеон у Малоярославца. Художник С. Бакалович.

Быстро двигался наш отряд к Малоярославцу, однако французы успели занять город своим авангардом прежде наших войск.

Дохтуров сейчас же атаковал французов и выступил в город, но неприятельские корпуса подходили один за другим, и снова начался бой, который длился на улицах с необыкновенным ожесточением до глубокой ночи: семь раз Малый Ярославец переходил из рук в руки. Сражение шло восемнадцать часов.

Сражение под Малым Ярославцем, 12-го октября 1812 года. Художник П. фон Гесс.

При одном отражении неприятеля, Дохтуров, став перед рядами войска, воскликнул: «Наполеон хочет пробиться, но он не успеет, разве пройдет по моему трупу»! В конце концов французы были отражены.

Кутузов обнял Дохтурова, несколько раз поцеловал и сказал: «Благодарю тебя, мой дорогой Димитрий Петрович! Много ты потешил сегодня меня, старика, слава Богу»! Продолжая весело разговаривать о том, что Наполеону не удалось пробраться на другую дорогу, где не было такого опустошения, как по той, по которой он должен был теперь двигаться. «Наполеон побить меня может, это в руке Бога, но обмануть ему не удастся. Пусть возвращается тою же дорогою, по которой пришел».

С обеих сторон под Малоярославцем выбыло из строя по 1000 человек. Из русских генералов был ранен Дорохов.

После поражения французов при Малоярославце они начали отступать в полном расстройстве к Смоленску, где рассчитывали найти подкрепление и отдохнуть, но и тут ошиблись. Видно звезда Наполеона совсем померкла!

Наполеон думал теперь уже не о битве, а о том, как бы уйти с меньшими потерями. 14 числа тронулся он к Можайску, а оттуда по большой дороге к Смоленску.

Путь этот был совсем плох и пролегал по местам уже опустошенным. Армия его, с обозами, до 10000 повозок, растянулась на несколько десятков верст. Наступили холода; войскам приходилось ночевать бивуаками; продовольствие было скудное.

Наша армия следовала другою дорогою, левее французов, па местам еще нетронутым войною, и потому получала в изобилии продовольствие и часто могла располагаться на ночлегах по квартирам. Прикрывая собою южные области и идя сбоку французов, войско наше угрожало их отступлению на каждом шагу. Но самой страшной грозой неприятелю были наши партизанские летучее отряды и партии вооруженных крестьян: скрытно выслеживали они движение французских колонн и, чуть вылучался удобный случай — как снег на голову нападали на оплошного и изнуренного врага, или отбивали и истребляли его обозы. Ни дождь, ни бездорожье, ни темная ночь не были помехой нашим лихим партизанам: каждую минуту и на марше, и на ночлеге, надо было ожидать их внезапного нападения. Это в конец истомляло расстроенные силы французов.

Для преследования французов, отступавших в таком расстройстве, посланы были Платов я с казаками и одною дивизиею, и Милорадович с 20000 пехоты и кавалерии; сам же фельдмаршал повел главные силы на перерез неприятелю — к Вязьме.

Бой при Вязьме.

Знав такое направление нашей армии, Наполеон поспешил усиленными переходами к Вязьме, чтобы поспеть туда прежде наших войск, иначе путь к Смоленску ему был бы отрезан.

Это ему и удалось отчасти: 21-го октября он, с гвардией своих, переночевав в Вязьме, выступил к Смоленску; но остальные войска его тянулись сзади и 22 числа вдруг были атакованы с двух сторон Милорадовичем и Платовым. Завязался жаркий бой перед городом, к неприятелю подоспело подкрепление, и большая часть его сил, отразив Милорадовича, успела пройти в город; но вдруг ворвались в город наши партизаны, Сеславин и Фигнер, город запылал, и разбитые французы, побросав почти все свои фуры, обратились в бегство. Четыре тысячи их легло на месте и три тысячи взято в плен. Отбито у неприятеля знамя и три орудия.

Наполеон бежал безостановочно. На другой день сражения при Вязьме выпал снег — первый предвестник приближения суровой зимы. Начались морозы, еще легкие, достаточно пробиравшие плохо одетую французскую армию. Люди кидали оружие, отошальные лошади падали на каждом пригорке; по дороге валялись покинутые повозки и орудия пуше замедляли движение. Голод и холод начали свирепствовать беспощадно.

Сражение при Вязьме, 22-го октября 1812 года. Художник П. фон Гесс.

24 октября Наполеон с своею старою гвардиєю прошел Дорогобуж, двигаясь к Смоленску. Выпал глубокий снег при морозе в 12 градусов. Корпус Мюрата отделился и свернул вправо, для соединения с войсками, шедшим от Двины, но по дороге, занесенной снегом, войска едва могли двигаться: 80 орудий были брошены; люди замерзали сотнями на каждом ночлеге. Все расстроилось: пропала дисциплина, и окоченевшее от холода солдаты (большею частью в этом корпусе были итальянцы), блуждали, как тени.

Отступающие войска французов под Вязьмой. Хромотипография А. Адама.

При переправе чрез р. Вопь корпус этот настигнута был Донцами Платова и разбита на голову: французы, потеряв 64 орудия, почти все обозы и большую часть людей, принуждены были свернуть к Смоленску.

В тот самый день, как Наполеон занял Смоленск, на Духовщинской дороге Сеславин и Фигнер напали на другой значительный французский отряд и частью истребил его, а сам предводитель, с 20 офицерами и 1600 солдата, сдался в плен.

В армии у Наполеона осталось всего 40000 с небольшим под ружьем, до 40000 безоружных непохожих на солдата, а скорее на нищих людей, одетых в разное отрепье.

Простояв с этим бедствующим войском в Смоленске четверо суток, 2 ноября Наполеон двинулся по дороге к Красному и на другой день вступил в этот город. Армия Кутузова дневала в одном переходе отсюда, а Милорадович напал на арьергард Наполеоновской гвардии, опрокинул его и взял 2000 в плен.

Несмотря на то, Наполеон решился ожидать в Красном прибытия прочих корпусов своих, чтобы не дать истребить их по одиночке.

Но уже счастье окончательно изменило ему, и заслуженная им кара обрушилась на всю его несчастную армию: ни в чем не стало ему удачи.

Главные силы наши ночевали в 5 верстах от г. Красного, а Милорадович занял Смоленскую дорогу, по которой должен был идти на соединение с Наполеоном большой корпус французов, под начальством Мюрата.

Встретив на пути Милорадовича, корпус этот атаковал его позицию, он был отбит с уроном. Однако бой возобновился и продолжался до позднего вечера. Отрезанный от Красного, Мюрат, потеряв до 2000 человек, знамя и всю артиллерию, — ночью ушел окольными дорогами и привел к Наполеону не больше 3500 человек с оружием и толпу безоружных.

Сражение под Красным, 5 ноября 1812 года. Художник П. фон Гесс.

Но ещё два корпуса оставались позади, пробираясь к главным силам своим. Наполеон еще раз попытал счастья — вышел сам к ним на встречу и кинулся с своею гвардиею на наши силы. И эта атака была отбита. Между тем подходил один из ожидаемых корпусов. Кутузов приказал пропустить его под огнем наших батарей к Красному; с огромной потерей он соединился однако с Наполеоном и, уже не ожидая последнего своего отряда, французы стали отступать к Орше. Последний отряд составлял арьергард французских войск, под предводительством маршала Нея — и оставлен был уже на верную гибель.

Нельзя не отдать особенной чести Нею — полководцу, которого сам Наполеон называл «храбрейшим из храбрых».

С 8000 пехоты и 3000 человек конницы, при 12 орудиях, и при том 700 безоружных мародеров, со всех сторон окруженный нашими войсками, он смело пошел на соединение с Наполеоном, полагая его застать в Красном. В нашей армии не заметили его движения, и он наткнувшись на наши силы, атаковал их и даже захватил несколько орудий; но Паскевич ударил ему во фланг и опрокинул его. К этому времени подоспели прочие отряды наши и тесно окружили его. Милорадович, видя его крайнее расстройство, послал парламента с требованием, чтобы он положил оружие. Вместо ответа храбрец решился пробиться чрез нашу позицию ударил в штыки: но пехота и кавалерия наши двинулись на него, истребили больше половины сил его и приперли остальных к Днепру.

Наступила зима. Французские солдаты в драной обуви, в легких мундирах, невыносимо страдали от холода. Дни становились короче и длиннее ночи, теплых ночлегов по дороге почти не было, все — разорено. Начались вьюги и метели. Непрошенные гости ежедневно умирали сотнями, а тут еще эти партизаны кишмя кишат кругом и не дают пощады отставшим и отдалившимся.

Наполеон и вся его армия были почти окружены нашими силами. Видя свое плохое положение, он приказал всем своим корпусам соединиться в г. Борисове, для переправы через Днепр, куда все и потянулось.

*Ночной привал великой армии. Художник В. Верещагин.
(Гибель Французов, от мороза на бивуаках).*

Но и наши отряды устремились к Борисову и раньше его заняли город.

Узнав об этом и понимая хорошо отчаянное положение своей армии, Наполеон быстро принял все меры к своему спасению: он приказал принести к себе орлы (т. е. знамена) всех корпусов и сжег их, чтобы не достались они русским. Все излишние обозы тоже были сожжены, и лошади были взяты под артиллерию; а одного из своих маршалов — Удино — послал с отрядом к городу Борисову и приказал, во что бы то ни стало, овладеть городом, навести мосты на Березине и отыскать броды.

Храбрый маршал исполнил приказание в точности: опрокинул авангард Чичагова и преследовал так бойко, что главные силы Чича—гова едва успели отступить за Березину, побросав свои обозы. Однако, отступая, успели сломать мост на Березине: поэтому положение На—полеона не поправилось.

В невообразимом расстройстве шла к Бо—рисову французская армия, растянувшись на дороге слишком на 40 верст. Люди, истомляясь, бросали оружие и с каждым днем уменьшалось число способных сражаться, да и те были в ужасном положении — голодные, оборванные, с обмотанными тряпками на ногах, вместо обуви.

А кругом и перед ними грозила ежеминутная гибель: Платов шел неотступно по следам; влево слышались выстрелы Витгенштейна; впереди — текла в болотистых берегах широкая река, и за нею 30-ти тысячная армия наша стояла наготов встретить врага.

*На большой дороге. Отступление. Бегство. Художник В. Верещагин.
(Возвращение Наполеона в Париж).*

Все ждали только удобного случая напасть на бедствующих и отступающих французов — именно при переправе в г. Борисов, куда все и стягивались Спасения Наполеону не предвиделось. Но он не падал духом.

Как матерый волк, израненный и окруженный усталыми охотниками и припертый к реке, ошетилившись, огрызается и лязгает окровавленными зубами, а сам высматривает — куда бы стрекануть ему и дать тягу, так и Наполеон со своим ободренным, погибавшим отрядом, припертый к Березине высматривал место — где бы провести отряд этот мимо неприятеля.

Чичагов караулил берега; вверх и вниз по реке посланы были легкие отряды для наблюдения. Ниже Борисова нашелся удобный брод и все полагали, что именно тут станет переправляться неприятель и пойдет на Минск, чтобы соединиться с немцем Шварценбергом, у Буга. Так думал и сам Кутузов, а потому все внимание и силы были направлены туда. И все обманулись.

Маршал Удино, занявший Борисов, догадался об этом и, чтобы еще лучше обмануть Чичагова, послал занять берег передовыми постами ниже Борисова, против наших разъездов; между жителями города распустил слух, что там будет переправа и, даже приказал заготавливать там лес. А сам, вместо того, втайне двинулся к д. Студянке, выше Борисова, и живо принялся за наводку мостов. Это было 13 числа.

Переправа через Березину. Художник П. фон Гесс.

На другой день прибыл туда и Наполеон. За ним тянулась от Борисова его гвардия; подходили и прочие корпуса французские.

Началась переправа через р. Березину. Это было в начале декабря того же 1812 года. В числе 1000 вооруженных и 20 тысяч безоружных перешли обратно русскую границу. Это все, что осталось из 600 тысяч человек, перешедших Неман пять месяцев тому назад, жалких созданий покрытых тряпками, с опущенной головой, потухшим взором. Это была вся великая армия великого Наполеона Бонапарта, которого ожидала вместо царского престола ссылка на пустынный остров.

* * *

Славь вся Европа, солдата!
Русский, во имя добра,
Свергнул её супостата!
Русским героям — ура!
Воинам, лавром в боях украшенным;
Нашим героям родным:
Вечная память — сраженным,
Многая лета — живым!
Победоносная наша держава
Славит героев сынов;
Русскому воину слава!
Честь ему в роды родов.

«Сей день пребудет вечным памятником мужества и отличной храбрости российских воинов, где вся пехота, кавалерия и артиллерия дрались отчаянно. Желание всякого было умереть на месте и не уступить неприятелю. Французская армия под предводительством самого Наполеона, будучи в превосходнейших силах, не превозмогла твердость духа русского солдата, жертвовавшего с бодростью жизни за свое отечество».

Из донесения М. И. Кутузова Александру I, озаглавленного «Описание сражения при селе Бородино, происшедшего 26 августа 1812 года».

ISBN

ИС

© Макет, оформление, текст, коллажи:
Международный благотворительный фонд
исторического наследия «Православная Таганка»
тел. 684-51-13;
<http://www.taganka-pravoslav.narod.ru>,
e-mail:pravtaganka@mail.ru
2012 год